

Олег Рубанский – киевский поэт и композитор,
музыкальный педагог, создатель многих
творческих проектов.
В настоящую книжку вошли стихотворения
преимущественно из армейских дневников
автора, 1985 - 1987 гг.

Олег Рубанский

Солдатский блокнот

СТИХИ

Олег РУБАНСКИЙ

Солдатский блокнот

СТИХИ

Киев 2024

СОЛДАТСКИЙ БЛОКНОТ

Прощание с Житомиром

1. Бульвар. У памятника Пушкину

Здравствуйте, Пушкин! Вот мы снова
друг перед другом наедине.
Трудно... Но это для Вас не ново.
Здесь Вам бывало трудно вдвойне.

Трудно, поскольку всё в мире печально,
зыбко – сквозь времена.
И чистота, что вовек изначальна,
вечно осквернена.

Впрочем, Вы, будучи скоро столетье
в нашей несуетной, тихой глуши,
будто бы замерли в самом расцвете,
в дерзком порыве души!

Юность моя пронеслась перед Вами.
Стёрлись следы моих прежних забот.
Я уезжаю. Но моя память
встреч наших ауру сбережёт.

Творчество – благо – имеет начало.
Вот он – я – почему?
Песнь моя – жизнь моя здесь зазвучала
в сердце. Я верю ему.

Но мне пора уже. Благодарю Вас.
Я уезжаю из нашего города.
Не потому, что судьба улыбнулась,
а оттого, что она расколота...

2. Вечер

Хмурою тенью вечер приблизился.
Сумрачный бред разрешился дождём.
Тусклый фонарь задрожал и брызнул
прямо в лицо мне нервным лучом.

Всё расплылось, пеленою покрылось,
студень предчувствий по жилам ползёт,
бульварное зеркало накренилось...
Кончено. Кончено. Время не ждёт.
Завтра – в дорогу.

3. Утро

Рассвет утрюм. Но нет уж больше чар
ночи тревожной. Стало небо чище.
Ноябрьский холодок. Растерзанные листья.
Асфальт ещё сочит невыстуженный пар.

Тоскливо бьют часы. Пространство звукам внемлет.
И бренность бытия наполнила весь мир.
Но через миг его обыденность объемлет...

Очнувшись и послав к чертям видений ворох,
забормотал о чём-то сонный город,
затопал, застучал, заскрежетал
и показал свой утренний оскал.

Скрипит трамвай, торопится хозяйка,
за ней бежит собачка-попрошайка.
Вон дворник с обветшалою метлой
гуляет не спеша по мостовой.

По улицам, пока ещё пустынным,
спешат торговки на колхозный рынок,
там затевают каждодневный спор –
всё цены, сплетни, прочий вздор...

А плотник Тимофей маячит у ворот.
Ему одна печаль покоя не даёт:
он раньше новый день привык встречать с похмелья.
Прошли те времена. Ему не до веселья. *

Вот умница-студент торопится прилежно,
он не чета другим, проспавшим безнадежно;
в его глазах – наук круговорот.
С ним, кажется, всё ясно наперёд.

...Но город не желал поверить в пробужденье.
То я не ощущал любовь и вдохновенье...

** Имеются в виду антиалкогольные мероприятия,
постоянно проводившиеся в СССР с середины 1980-х гг.
(Примеч. автора)*

4. Итог

Проснулся город из последних сил.
Извечной мишурой наполнился и шумом.
Опять часы пропели свой мотив
и начали стонать мучительно, угрюмо.

Вдруг стало ясно, что случилось в ночь.
Наутро улиц голые квадраты
застыли от прозрачности, утратив
листву деревьев. Вот что было в ночь.

Укрыла землю прошлая листва.
Маячат деревья, безмолвием объаты.
Но нет ничьей вины и виноватых.
Есть только состоянье естества.

...А я был призван в этот день в солдаты.

1985

Житомир – Бердичев

Утром

Мокрый снег серыми грудями.
Утро промозглое дышит простудю.
Ветер и дождь. Казармы унылые.
Сырость в портянках да ноженьки хилые.

Полк на плацу колобродит отчаянно.
Ждёт командир из дивизии каина.
Так ли он стадом своим дорожит?
Вон как губа у него дрожит.

Ночью

Что ж тут поделаешь с тягой природною?
Чувства подвластны воображению.
Вижу тебя от одежд свободною,
жаркого тела ловлю движения.

Запах вдыхаю грозóвый, пропитанный
близостью бури, её ожиданием.
Страсть моя, жизнь, мой роман непрочитанный!
Счастье влечения, радость слияния!

В ночь, в полумрак, в тихий омут... Не знаю сам –
где я? Неужто на койке под ярусом?
Плац за стеною. С подъёма – вращение
в чуждом кругу, где царит извращение...

* * *

Пошлости! Пошлости! Чаю постичь
данность эту печальную.
Бейся лбом – не прошибить
маету кабальную.

Маета ты маета,
мишура народная.
Спит солдатик. Снят с креста.
Душенька, – свободная...

* * *

Сотни дней тревожных и ночей...
Но не гаснет свет моих очей,
свет моей души непокорённой
в этом мире мелочных страстей.

Правила, уставы... Жизнь – игра...
Мир не изменился со вчера.
Да и я, по-прежнему, упрямец –
о свободе, вечности добра...

Вечность необъятна. Жизнь одна –
та, что быстротечна и сложна.
Но добро с любовью неистечны
и неисчерпаемы до дна.

Им одним вверяю я себя.
Более никто мне не судья.
Помоги, добро, моей любви.
Защити добро, любовь моя.

* * *

Зима... Весна... Ну вот уже и лето.
Всё длится дней тревожных череда.
Боль не стихает. С нового рассвета
завертит старый круг постылая среда.

Мой мир, мои мечты, всё то, что в сердце живо,
осталось за чертой дозволенного мне.
Конечно, я хочу жить честно и счастливо.
Но как? И где?

Боюсь ли я путей опасных и жестоких,
и стужи, и огня, и глупого битья?
Боюсь. И так служу без чувств высоких.
Я весь – любовь к тебе. Ведь ты одна! Ведь я...

1986

Письмо в Ленинград

Жизнь немало испытаний прочит,
сколько трудных дней нас ждёт – не счесть.
Эти дали, северные ночи,
и разлука зряшная, как есть.

Я в солдатских буднях не затерян,
хоть и подневолен, и растерян.
Каждый шаг мой близит светлый час,
каждый миг испытывает нас.

Я хотел бы твёрдою рукою
отвести нависший над тобою
страх. Но я, реальный, вдалеке.
Лишь неосвязаемо – в строке.

Не носи под сердцем ты сомненье.
Вслушайся: там бьётся вдохновенье!
Если сила духа в нас живёт,
страх в душе приюта не найдёт.

Жди и верь. Не бойся ничего.
Жизни не пристало нам бояться.
А иначе, право, для чего
должен человек на свет рождаться?

Живо счастье! Слышишь? – это я.
И меня спасают от сиротства
радость материнская твоя
и любви земное превосходство.

Сентябрь 1986

...Милая, разлуке скоро год.
Только нынче светел небосвод!
Потому что это не виденье, –
весть благая – доченьки рождение!

Ах, дитя любви и юных грёз,
твой отец к отцовству не дорос.
У него солдатские погоны
да дешёвых пачка папирос.

Для него шинелька хороша.
Под шинелькой добрая душа.
Только что она – душа солдата?
И в карманах часто ни гроша.

Ну а он, мечтою окрылён,
в ожидании будущих времён,
всею душою там – над колыбелью,
и тобою к детству возвращён.

Баю-бай... Всему своя пора.
Я таким же был ещё вчера...
И теперь, как маленький ребёнок,
зачарован сказкой до утра.

Свет мой ранний, молодость моя,
ждут тебя далёкие края...
Спи, дитя, не знай моих печалей,
будь во всём счастливее, чем я.

Ноченька

колыбельная

Прилетела добрая, ласковая ноченька.
С неба светит месяца золотой рожок.
Засыпай, дитя моё, закрывайтесь оченьки,
пусть счастливым будет завтрашний денёк.

В чистом поле травушка, травушка-муравушка...
Натрудились ноженьки, нужен им покой.
И несёт на крылышках сказку сон-журавушка
прямо из волшебного леса за рекой.

В доме ночь сгущается, маятник качается –
тихо, осторожно... Сладко засыпай.
Сказка приближается,
сказка начинается,
сказка не кончается...
Баю-бай...

1986

* * *

Ты увидишь землю, ты увидишь небо,
золотое поле зреющего хлеба,
звёздную дорогу, мир – такой прекрасный!
Солнышко родное, ты узнаешь счастье!

Напутствие

Любви не изменяют,
когда она любовь.
Добра не забывают,
чтоб жизнь продлилась вновь.
Друзей не называют
до рокового дня.
Судьбу не проклинают –
она сама судья.

Сердец не закрывают,
сражаясь против зла.
Мечту не убивают,
когда она светла.
Греха не искупают,
не осознав вины.
Ко лжи не привыкают,
дожив до седины.

Людской души истока
никак не исчерпать.
Нет праведней урока –
не брезгуя, прощать.
Без совести нет чести,
без дела нет рубля.
И нет земли, дитя моё,
роднее, чем твоя.

1986

* * *

Неужели есть на свете
это счастье – тишина,
догорающие свечи
и пространства глубина,
это счастье – утоление
долгих лет заветных грёз,
это мудрое прозрение
после всех ветров и гроз?..

Неужели есть на свете
тихий вечер, песнь цикад
(юность, канувшая в Лету,
возвращается назад),
свет в окне, в природе – вечность,
сон деревьев, птичьих гнёзд,
дух Вселенной, бесконечность,
золотая россыпь звёзд?..

Неужели можно слушать
каждый шорох, звук шагов?
Как внезапно ранит душу
эхо дачных поездов.

И забытое томленье
вдруг затеплится в груди;
после долгого мученья
только счастье впереди!

Неужели есть на свете
это счастье – тишина?
В дальней комнате в отсвете
тихо странствует Луна.
Там дитя в беспечной неге
спит и видит сладкий сон,
там любимую навеки
свет и праздник сбережён.

Неужели есть на свете
это счастье – тишина?
...Ты проснёшься на рассвете
так прекрасна и нежна.
Как прекрасны твои руки,
взгляд твой добрый, дорогой,
жизнь моя, любовь и муки,
озарённые тобой!

Святое песнопенье

Святое песнопенье
не только для мольбы...
Оно – уже спасенье
на краешке судьбы.
Отплачется, уймётся
мой каждодневный вздор,
когда в тиши прольётся
высокий чистый хор.

За небытьём, за гранью
потусторонних сфер
живу очарованием
таинственных химер*.
В журчаньи вечных звуков,
под неумолчный зов,
и радости, и муки
равно принять готов.
Как сущее всё бrenно,
разрешено давно,
так вечно и нетленно
духовное зерно.
И горе страх теряет,
что счастья больше нет,
когда он возникает
в душе – небесный свет, –
когда мои познания
ничтожны и смешны,
когда предначертанья
единственно важны,
когда Любовь прекрасна
и властна над судьбой,
и ей одной всечасно
я жертвую собой.

** Подразумевается книжное определение
неосуществимых, странных мечтаний (авт.)*

1986

* * *

Хорошо, что друзья порою
нас лишают покоя и сна.
Это время наше такое,
это в сердце живёт весна.

Это лучшие наши годы
на распутье крутых дорог.
Это талые вешние воды
из безумства, надежд, тревог.

Наше счастье – не от забвения
или праздности – день ото дня.
Счастье наше – от вдохновенья
или, может быть, от огня!

Верим мы в настоящую дружбу,
с ней нам чужды притворство и лесть.
Презирая слепую службу,
сберегаем мужскую честь.

Нам застольной хвалебной чаши
не принять из недоброй руки;
знаем, как об ошибки наши
чешут недруги языки.

Выбираем себе не «по чину»,
будь нам совесть единый судья.
Только правда спасает мужчину
от позора и от вранья.

Только правдой спасаем дружбу,
презирая слепую службу.

Песня о берегах

Мы в плену у житейских забот.
Нам не верилось в это. И вот –
в заколдованном диком кругу
счёт утратам ведём на бегу.

Бьётся память под тяжестью лет.
С нею трудный мы держим совет.
Всё готовимся в завтрашний бой,
всё мы смотрим на берег другой.

Берег этот – пустыни и льды.
Мы – солдаты нелёгкой судьбы.
А на том берегу, на другом,
ждут нас мир, и покой, и дом.

Жизнь проходит. В мелькании дней
мы теряем любимых людей.
Мы их помним, сторевших в огне;
мы их встретим на той стороне.

Мы пройдем, ничего не успев,
не дожив, не дождав, не допев.
Но на том берегу, на другом,
всё, что надо допеть, – допоём.

...Но люблю эту жизнь, эту даль
за её доброту и печаль.
И за то, что, упав на бегу,
я понять ничего не могу.

Берега вы мои, берега...
Я, неправый, прощаю врага.
И молюсь, чтоб на том берегу
я пред Вечностью не был в долгу.

Высоцкий

О Высоцком немало и спето, и сказано.
А поэта любить никому не приказано.
Но нельзя о поэте рассказать до конца,
как они, эти песни, обжигают сердца!

Он из тех, из глубин
неразбавленных чувств.
Он из тех, из мужчин,
кто сказал мне: Не трусь!

Он из трудных времён,
опалённых огнём.
Он – поэт, – и сплелись
судьбы Родины в нём.

Вот ушёл он из жизни. Оборвалась струна.
Но живут его песни, им верит страна.
Отовсюду звучат, не смолкая, они.
Это – вечный огонь всенародной любви!

Жизнь, как правду, любил он.
А берёг – не свою.
Сколько разных сплотил он
в едином строю.

После смерти в бессмертье,
как за правдою – в бой
он шагнул. И не верьте,
что покинул он строй.

1985

Окуджаве

Родной поэт и сердцу близкий,
спой нам о таинствах души,
про свой Арбат, про двор тифлисский,
о маме нежно расскажи.

Война – что гнула! Не согнула.
Лишь сердце кровью облила...
Надежда руку протянула,
Любовь и Вера – два крыла.

Живи! Неси любовь сквозь годы
в тот каждый век и в каждый час,
где судьбы разные у нас,
а души – родственной природы.

...Пусть будут светлыми обличья,
врачуй, целебное родство.
Душе во благо не величье,
душе во благо – естество.

1986

* * *

*«Кокетство перестаёт быть невинным,
коль скоро причиняет кому-нибудь страдание»
Из публицистики о личной жизни Пушкина*

По ночам мне снятся сокровения,
трепетной любви прикосновения.
До утра в плену неразрешения
сладострастной близостью дышу.

Но когда приходит пробуждение,
горечью сменяются видения.
Пламя ночи, утреннее тление –
всё развею, всё опустошу.

Где ж она, любовь, тобой хранимая?
Я не груб, во мне душа ранимая.
А обида, трудно объяснимая,
из груди: «Ты призрачное ждёшь!»
Что в конце разлуки? Ночка длинная
и, конечно, ты, моя невинная...
Ну а утром – боль неисцелимая.
Всё, как дым, развеется. И что ж?..

Пережив насилие и ругательства,
крупные и мелкие предательства,
я опять осилю обстоятельства,
оторвусь от новой муки дней...
В муках обнажились наши качества.
Ни к чему притворства и чудачества.
Жизнь, как повесть, не напишешь начисто.
Так решим же нынче: что важней?

После дальней дороги

1.
Я вернусь. После дальней дороги
отрешусь от минувших печалей.
Слава Богу! – скажу, – слава Богу!
И смиренно приму тишину.
Захочу – стану странником неба,
лёжа в травах над берегом детства,
буду пить из лазоревой чаши
блики солнца сквозь глубину.

Хорошо после дальней дороги
наслаждаться грибными дождями.
Как пленяют прозрачные утра,
как на травах сверкает роса!
Город тоже – проснёшься – он светел,
полон птичьими голосами,
звонок дамскими каблучками,
оглушившими сонный двор...
Жизнь как будто начнётся сначала,
с простоты, с добра, с идеала,
с чистоты сотворенья души.
Боже, радуйся и дыши!

2.

Но, когда после дальней дороги
возвращаются прежние думы,
открываются старые раны,
затянувшиеся едва;
и когда после дальней дороги –
будни, мелочи, дразги, деньги...
Вновь себя повергая в сомненья,
отопью ль хоть глоток от любви?..
Это чушь! Это мысль смурная!
Нет, судьба меня ждёт иная.
Я вернусь.
После дальней дороги
ты встречаешь меня, выбегаешь...
И лечу я, лечу я, лечу я,
как на крыльях, навстречу тебе...

1987

* * *

Поезда, уходящие вдаль от ночного вокзала,
тишину оглушая, в пространство вонзают гудки.
Я тебя, дорогая, люблю. Ты, конечно, устала.
Ну а дали солдатские всё ещё так далеки.

Ни часы, ни минуты, ни дни я уже не считаю,
хоть по старой привычке кресты в календарик пишу.
Я со стуком колёс своё смутное время сверяю
и, в грядущее глядя, помалу стихками грешу.

Знать, не вечна она, та разлука, что нам предстояла.
Время бездной казалось. Два года – нешуточный срок.
А полгода – пустяк, если сравнивать с жизнью, так мало,
что, боюсь, я могу не закончить последний стихок...

Потерпи ещё. Время бежит. Поезда пролетают,
исчезают за далью, как будто из жизни года.
Очень жаль, что года эти так же и нас покидают,
и, увы, нам с тобой не вернуть их назад никогда.

...Помнишь, как мы прощались на шумном перроне когда-то?
Как тебя я любил! И с годами любовь всё сильнее.
Лето, мимо лети, осень просится в сердце солдата.
И зовут поезда за пределы неволи моей.

1987

* * *

Что-то нет покоя мне, что-то нет покоя.
Осень в душу просится. Изведён тоской.
Вдруг в ночи привидится что-то шибко злое,
и уже не верится, что вернусь домой.

Бродят думы в голове грустные и разные.
Прочь уйдите! Всё не так! Просто я устал.
Дома ждёт меня любовь, с миром да согласием,
и возможность, наконец, жить, как я мечтал.

Дома ждут меня жена да моё наследство,
да... заботы вечные встали у дверей.
День за днём, за годом год всё ищу я средство
уберечь от суеты мир души моей.

Вот я выберусь на свет долгожданный, розовый,
бывший праведник и плут на потеху всем,
в гулкой бане городской веничек берёзовый
злых духов из меня выгонит совсем.

Здравствуй, добрый новый день! Чувство непривычное –
душу прежняя печаль больше не гнетёт.
Ах, наивен я! Печаль – вечное, обычное.
Если видеть этот мир не наоборот...

Дневник. 7 августа

1.
Вдруг навалились тишина
и знойный август мне на плечи.
Мне радость прошлая чужда.
А с будущей не чаю встречи.
Всё прочит мне иной удел.
Разгул мечтаний – не у дел.
Неисполнимые надежды.
Седьмое августа. Предел.

2.

К любви, которая в несчастье,
к ней, посрамлённой, но живой,
я припадаю всей душой
и сердцем, рвущимся на части.
Её спасенье – не слова,
в них нет вчерашнего значенья.
Одна отрада – что жива.
Терпенья, Господи, терпенья!

* * *

Родиону Тихомирову

Всё маета, мой друг.
И грешен я, и маюсь.
Не лгать, не суесловить всё пытаюсь.
Но что поделать здесь, где свет – не свет,
где правды нет и праведности нет?

Ты одинок. И я один, в разлуке.
Окрест меня всё чуждые мне звуки.
А в тихий час, когда живое спит,
из мёртвых мест ко мне тоска летит.

Сгустились краски будней, как знаменье.
Нас обвинили в тайном преступленьи.
Нас ждёт изгнание, если не тюрьма,
Отдел Особый – чёрная чума...

Безумец слаб, будь он прощён с лихвой.
И мы грешны, и каждый – сам не свой.
А выживем, презревшие пороки,
то – чуть не поплатившись головой.

Мне тяжело, брат. Но, Богу – покаянье.
Ещё бы шаг – и были бы за гранью.
Мы вроде самых маленьких детей –
на нас грехи чужих плохих затей.

Ах, эти старые слова! –
от них клонится голова, –
что мы за всё в ответе,
пока живём на свете.

Время идёт

Эти глаза, как в бескрайнем море
далёкие огни.
Тихая радость и тайное горе –
прожитые дни.
Всё в нашей жизни – самое главное –
веришь ли? – завтра произойдёт.
Но вдоль по осенней аллее
ветер листву развеял.
Время идёт...

Эти глаза... Близкое прозрение
в них всегда живёт...
Я иду в этот мир сомнений,
как на скользкий лёд.
Всё в нашей жизни – самое главное –
завтра, завтра произойдёт!
Но вдоль по осенней аллее
ветер листву развеял.
Время идёт...

Опустились сумерки на крыши.
Болью из груди –
снова я голос твой услышу:
«Не уходи!
Всё в нашей жизни – самое главное –
завтра, завтра ещё произойдёт!»
Но вдоль по осенней аллее
ветер листву развеял.
Время идёт...

Нам уже ничего не странно.
Жизнь полна забот.
За окном – голые каштаны.
А душа всё чего-то ждёт.
Всё в нашей жизни – самое главное –
завтра, завтра!..

 Не произошло?
Вдоль по осенней аллее
ветер листву развеял.
Время...
 прошло?

1987

В далёком декабре

Снег кружился под музыку вечера.
Над бульваром зажглись фонари.
К нам природа прильнула доверчиво,
мы вдыхали её до зари...

Отпусти меня, Боже, к Житомиру,
в зиму, в юность, как тело к душе.
Пусть она не скитается по миру,
неприкаянная уже.

Нас коснулась рукою безжалостной
суета заполошная дней.
И живи, никому не жалуясь;
дальше будет ещё сложнее.

Разгляди своё счастье, милая,
радость с горечью пей до дна.
Как хочу я, чтоб с прежней силою
в нас горела любовь одна!

Вновь и вновь припадаю памятью
к нашим зыбким, как миг, следам,
где прошли мы, покрыты заметью
и греховны не по годам.

...Снег искрится, падает, падает.
Ты в пальтишке худом, вся дрожишь.
Но природа нас радует, радует!
Ну, прижмись ко мне крепче, малыш!

Ты простишь ли меня, непутёвого?
Ах, зачем я судьбу тороплю?
Но влечёт нас познание нового
и волнуется кровь: Люблю!

...Мы войдём в нашу комнатку бедную,
где запечные духи поют,
где в замёрзшем окне тени бледные
наблюдают наш тайный уют.

Память юности... Ночь-красавица.
Вторит страсти печная труба.
Было чувство, что всё начинается –
и любовь, и мечты, и судьба...

**Песенка-авиазарисовка «Воспоминание об Абакане»,
рейс Москва – Благовещенск, август 1985 года**
В стиле Высоцкого

Который час я лечу на «Ту».
Опять задержка. Разминаюсь, раскачиваюсь.
И в абаканском аэропорту
околачиваюсь.

Весь день страдаю, остаюсь без сигарет,
от нервов – чуть держусь, и весь в мигрени я.
Жара несносная, в буфете пива нет,
как всюду опосля Постановления*.

Хожу-брожу, заучен мой маршрут.
Мне надоело неприкаянно слоняться.
В такой глуши, «во глубине сибирских руд»
я не хочу ни на минуту оставаться.

Ах, небо ясное, на нём ни тучки нет!
И солнце жжёт: «В тени нет места, извините!»
А тут диспетчер посылает нам привет:
Наверно, граждане, вы завтра полетите.

Тогда я еду, как турист, в Абакан,
совсем случайный для него ротозей.
Кому везёт на Колизей, Ватикан...
А мне в непрухе да припёр Енисей.

И всё же, дивная оказия –
глядеть с причала на Сибири лик.
Так, значит, вот она, Хакассия,
откуда Запад и далёк, и даже дик.

Мы всё прошли, мы всё разведали, увидели,
теперь и вовсе нас ничем не удивишь.
Что за буграми – нам покажет телевидение,
а здесь – мой Рим, Афины и Париж.

Как хорошо, придя домой после работы,
засесть у ящика, стряхнуть заботы.
А можно взять на весь кредит билет на «Ту»
и в абаканском вдруг застрять аэропорту.

До Благовещенска – почти рукой подать.
А там – гостиница и божья благодать.
Скорей, скорей в аэропорт! И мне везёт –
уже объявлена посадка в самолёт.

**Постановление Советского Правительства
об ограничении торговли спиртными напитками*

1987

Солдатские песни

1. Весенняя песня

Солдатушкам, уходящим в Афганистан

Никуда не уйти от Закона Природы:
вновь весна над землёю, снова песни скворца...
Мы устало несём наши годы-невзгоды
по военным дорогам в ожиданьи конца.

Сапоги, сапоги, будто громы, грохочут,
в их размеренном топоте – наши сердца;
им шагать да шагать то ли дни, то ли ночи
далеко-далеко от родного крыльца.

Мы шагаем, шагаем между адом и раем,
мы – голодное племя, одичавший табун,
каждый нрав на виду, каждый нерв возбуждаем,
всё шагаем, шагаем, как в безумном бреду.

По весне, по весне мы промчимся скорее
и, глаза отведя, не покажем стыда,
как звериное стадо, мы её одолеем,
мы от этой весны не оставим следа!

Под свирепую дробь, флейт презрительный свист
мы чертями идём вслед за призраком славы.
А вверху – над землёй – ослепительный диск,
будто огненный взгляд, беспощадный, кровавый.

А куда мы идём, если даль – не живая,
если нас не простят, если нас не поймут?
Ах, зачем, ну зачем мы весну убиваем
и какие враги нам её отдадут?

Потому что мы все – сапоги да уставы,
мы – седые снега, мрачных гор ледники,
потому что идём мы за призраком славы,
за гибелью ранней, весне вопреки.

Не прольются дожди и не выпадут росы.
Мы растопчем весну, стихнут песни скворца.
Кто мы, где мы? Но смысл наболевших вопросов
мы не в силах постичь до конца, до конца...

1986

2. Пели песню солдаты

*"Далеко до привала,
Солнце впереди.
Ну, давай, запеваля,
Песню заводи!"*

Из строевой песни

*«Открывайте рот на ширину приклада,
так, чтобы видно было ваше трепещущее сердце,
которое вы всегда готовы отдать за Родину!»*

Из речи комбата

Пели песню солдаты
на плацу по весне.
От жары автоматы
прилипали к спине.
Пели песню гвардейцы
так, что – эх, твою мать!
Чтоб солдатское сердце
было в глотке видеть.

На трибуне комбаты.
Впереди командир.
Как икона, солдату –
офицерский мундир.
И поют батальоны
славу, верность и лесть,
командирскому трону
отдают свою честь.

То не отзвук баталий,
то не пушечный гром.
Мы ещё не стояли
перед смертью лицом.
И не верится даже,
что в смертельном огне,
если только прикажут,
мы умрём по весне.

Нам война – не отрада,
но солдат есть солдат.
Но не верит парадам
даже грозный комбат.
Вон стоит посередке
боевой командир,
и мы рвём себе глотки,
прославляя мундир!

Лишь бы смертную чашу
нам испить не пришлось,
лишь бы женщины наши
нас любили до слёз,
если б только не подлость,
если б только не лесть,
а солдатская гордость
и солдатская честь! –

Мы бы песню сложили
не про эту весну,
мы б с тобой победили
и презрели б войну,
и в единстве, и в братстве
миллионов сердец
уж смогли б разобраться,
что почём, наконец.

Что не умерла вера
и что дружба – не лесть,
и что служит примером
офицерская честь,
что нельзя в нас не верить,
нас любить не до слёз!
Хоть не вольно мы пели,
но страдали всерьёз.

И солдату, солдату
не дано выбирать.
На трибуне комбаты
нас зовут умирать.
Небеса голубые.
Впереди – трудный путь.
А за нами – Россия, –
не забудь, не забудь.

1987

3. Баллада о солнце

*Мы расстанемся, ребята, насовсем или до срока.
Только б нам смертей не ведать и чтоб не было разлук!
И чтоб нам светило солнце, да не было одиноко
просыпаться на рассвете от невыстраданных мук!*

Всё ведь было, как обычно: мелкий дождь, хлеставший в лица,
кто-то выл в окрестных трубах, чем-то жутко скрежетал,
дикий ветер от тоски под шинель хотел забиться,
где в мучительном томлении скорбный дух мой изнывал.

Всё ведь было, как обычно: и сознательность, и твёрдость,
шёл торжественно и строго на плацу за строем строй;
и казалось, вот она – наша праведная гордость!..
Вдруг сквозь тучи просочился лучик солнца золотой!

И от яркого свечения просветлялись наши взоры,
и невольный тихий ропот весь Порядок разрушал.
Но возможно ли поведать, как боялись мы позора –
чтобы кто-то нас, сердешных, в ту минуту увидал!

Солнце светит над землёю, солнце радует и мучит,
а в глазах горит надежда, и отчаянье – в душе.
Только вновь над головами ветер гонит злые тучи.
И последний ясный лучик покидает нас уже...

«Становись! Равняйся!» И снова – дан приказ – шагаем в ногу,
и как будто в нашей жизни ничего другого нет,
и как будто нам осталось этой жизни так немного,
что на этой нашей жизни весь сошёлся клином свет!

.....

Когда снова из-за тучи солнце землю осветило,
стихли пламенные страсти и биение сердец.
Будто не было совсем нашей гордости и силы,
будто всё, что с нами было, позабылось наконец...

1987

4. Ветер перемен. Год 1986

Родиону Тихомирову

...А ночью пили водку.
Мы – матросы на старом судне, впавшем в крен.
Эх, нам бы сесть в послушную лодку,
взять курс навстречу ветру перемен!
И семь футов под килем!
Вперёд, братцы, вперёд!
Вспомним всё, что забыли,
сбросим всё, что гнетёт!
На вёсла наляжем дружно,
наперекор волне!
Знаем, куда нам нужно
идти на своём челне, –
туда, где назло стихиям,
назло всем диким ветрам
идут корабли голубые
к счастливым своим берегам!
Солнечным бризом полнятся
крепкие паруса!
Сбудется всё, исполнится,
свершатся все чудеса!

Хватит нам церемониться,
хватит напрасно ждать,
время пришло опомниться,
время прошло молчать.

– Ты был труслив и холоден,
всю жизнь пресмыкался рабом,
боясь получить по морде,
за что наделён горбом.

– А ты жил в беспечном блаженстве,
всё обещал и лгал,
строил себе благоденствие
тем, что на всех плевал.

Да, нас лишь время рассудит.
Но правда своё возьмёт!
Верю я: светлым будет
завтрашний наш поход!

Дружно мы тянем тросы!
Но судно-то впало в крен.
Жаль, мы лишь только матросы
на корабле перемен.

Да если б не наши раны
и вездесущий обман...

Ну-ка, налей в стаканы,
если не слишком пьян...

1986

* * *

Далеко за туманами сивыми
неземной разливается свет...
Мы оттуда приходим счастливыми
и не созданными для бед.

Но ступая на землю сердешную
и сжигая в страданиях себя,
обретаем тоску безутешную,
об утраченном счастье скорбя.

Нас терзают соблазны и слабости,
в одержимости – "благодать",
в нашей трусости или храбрости
вышней сути не угадать.

И чужие мы, и кривые мы;
а кривым – линейка закон.
Мы не совестью мерим, а выями
долю общую испокон –

все мы – с Богом или безбожники,
кто с оралом и кто с ружьём...
Впрочем, каждому свои пожни и
право выхода за окоём.

Далеко за туманами сивыми
неземной разливается свет...
Мы оттуда приходим счастливыми,
а не созданными для бед.

* * *

Я прогнал с лица тень дневных забот,
посмотрел на мир ясным взором...
А в моём доме грусть-печаль живёт,
донимает всех злым укором.

Ах, светла душа и возвышенна!
Отчего ж печаль её гложет?
Оттого ль, что прочности лишена
и от бед укрыться не может?

Я, погрязший в мелких своих делах,
оглянулся в поисках веры.
А в моём доме поселился страх,
всюду бродят злые химеры.

Ах, светла душа и возвышенна!
Но сильны и злы пережитки.
И конечно, совесть унижена,
и конечно, честность в убытке.

За окном, едва лишь стусилился мрак,
всё – пространство. Вольному – воля.
А в моём доме всё, увы, не так,
ускользнула ниточкой доля.

Ах, светла душа! Но от всех потерь
и обид людских я немею.
Воспарил бы я. Да куда теперь,
когда столько груза имею?

Затихают звуки в моём доме.
Спи, кто может, Бог да не бросит.
И меня, не видного никому,
будто пожалел, и возносит...

Чудится: лечу я, держа в горсти
каплю моря, камушек суши.
Посмотри, Отец мой, я отгостил
там, где тонут в омуте души.

1987

Бердичев

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Страна

Уходя на службу, знал я то,
что вернусь в другие измерения,
что грядут иные точки зренья,
лишь сменю шинель я на пальто.

Армия дала мне много прав.
Здесь не без иронии. Но с нею
мог ли я без них сказать злодею
нынче что-то, нечто не поправ?

На меня валилось столько зла,
что бахвалу стало бы с избытком.
Опыт мой он сравнивал с убытком,
с блажью – стихотворные дела.

Он-то мыслил: «Вежлив, значит, слаб», –
свой недужный ум не прикрывая.
А за мной дышала рать живая,
что подняться из земли могла б...

В каждом веке свой полёт и рок,
и в остатке – время – мудрый лекарь.
Вон – тиран. Вот – Пушкин, Кюхельбекер...
Там – толпа, воспевающая порок.

Ею разворуеться страна,
сузятся отчества, кочевья.
Были ещё молоды деревья...
Обдерёт их всякая шпана.

Мзду берут ли, кумовством ли прут,
каждому – себе, конечно, можно.
И ещё притом неосторожно
о чужой продажности орут.

2011

* * *

Вы знаете, как пишутся стихи?

...Есть в тайниках истомы и блаженства
гарем такой, где рифмы-совершенства
лежат, великодушны и тихи.

Их гении берут как бы шутя,
ласкают – и являются стишатки.
То для других – вериги и порядки...

Я раньше был – капризное дитя,
покуда муть, дремавшая на дне
сознания, не подвиглась на круженье
той женщиной, чьё дольше окруженье
невыносимо чувству, жизни, не...

...Стихи поэты пишут сгоряча!
Их рифмы, как испуганные девы!
У колыбели – вечная свеча
и флейты сладострастные напевы!

...Но чувствам в сокровенной глубине
тревожно. Сердце бьётся учащённо.
Что ж, мученик, блаженствуй обречённо.
Крепись, душа, ранимая извне.

А девы всё смелее и всё злей.

Жизнь...

Жить – всё безысходней и больней.

Прошла эпоха вольности и оды,
осталась лишь элегия о ней...

...Стихи поэты пишут – отрешась.
Не ведая ни правил, ни законов,
парят они, исчадья вечных стонов,
по-своему прекрасны – отрешась!

Безудержно, как бабочки в ночи,
летят они на дивное свечение!
Крылатые, по праву обреченья –
сгореть в огне предвечности-свечи.

Мой брат поэт! Что ж я тебе желаю? –
Быть не убитым, проходя по краю,
свободным быть и о свободе петь!
Чрез сотый крах всего – достичь паренья!
Чтоб неизбежным было вдохновенье!
Иных богатств пусть вовсе не иметь.
И всё-таки пройдя сквозь все невзгоды,
признать себя лишь зёрнышком природы.
И голос брата выслушать. Успеть...

1991

Из воспоминаний о юности

*Это
далеко-далеко
в прошлом – между нами черта.
Где-то
высоко-высоко
исчезает наша мечта.*

Мы с тобой мечтаем вместе.
Как прекрасны наши песни!
Мы одни, и ночь ещё длинна.
Ты меня, конечно, любишь,
и уже не позабудешь,
и такая близкая, одна.

За окном вздыхают клёны.
Мы ещё не умудрённы.
Как наивен я и как раним!
Мне б любовь хранить от муки,
мне б не знать с тобой разлуки.
Что же это мы творим!

Дальние края, тревоги.
Ранняя печаль дороги...
Удержи меня, не отпусти!
Столько лет прошло. Но снова
ты приходишь из бывшего:
«Ты меня...»
«И ты меня прости...»

Песня о моей любви

Прольётся ли будничный дождь над этой землёю печальной,
иль снегом за окнами снова тоскливо завьюжит зима, –
я в тысячный раз возвращусь к любви своей изначальной,
которая, может быть, вечна, как вечна Природа сама.

И где-то за дальней чертой, в прекрасной стране необманной,
где так же дожди и метели минуют своей чередой,
ты веришь любви моей, всегда бесконечно желанной,
всегда изначально ранимой, но вечно хранимой тобой.

Так с наших пустынных планет минувшее смотрит нам в спины,
и всё, что случится в грядущем, скрывает от нас наша тень.
Зачем же, зачем же, за чем сквозь ночь в неизвестность ушли мы?
Когда же, когда же, когда же придёт, наконец, новый день?

За тою далёкой чертой, всего лишь для нас не открытой,
всего лишь не ставшей судьбою (а может, придуманной мной),
я всё возвращаюсь к тебе, и жертвую с тихой молитвой...
И верую с тихой молитвой: ты счастлива в жизни земной...

1989

Моё крыло

В. Высоцкому

*Всё относительно, мой друг, всё относительно –
и тишина, и рокот улицы дневной.
А счастье моё тем и удивительно, –
что есть крыло... и бездна подо мной.*

В тишине ночной
замирают звуки.
А вдали – рассвета зарево.
Я лечу чужой,
простирая руки
в бездну своего Марева.

Вот моё крыло,
вот моя природа,
чистая дорога Млечная!
А в душе светло,
а в душе свобода –
сладкая моя, вечная!

Мне не страшен Рок,
не грызут сомненья,
от обид – одно лишь гарево.
Мне никто не Бог,
кроме Вдохновенья,
кроме моего Марева!

Мне никто не дан
здесь в соглядатаи
(ненавижу тень шуструю!),
мне никто не пан –
что хочу, то знаю,
так, как я хочу, чувствую!

Вот моё крыло,
вот моя природа,
чистая дорога Млечная!
А в душе светло,
а в душе свобода –
сладкая моя, вечная!

Доченька

Может, всё на земле – враньё,
но не кровь, но не кровь...
Ты не знаешь, дитя моё,
что такое любовь.
Ты беспечно глядишь, глядишь,
словно издалека...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

Наши вечные хлопоты,
суета да возня...
Понимаешь хоть что-то ты,
обнимая меня?
И головку невинную
ты склоняешь слегка...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

До свидания скорого,
до коротких минут.
Твой отец в этом городе
не пройдоха, не плут.
Это жизнь так расставила,
не родная рука...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

Сквозь дворы затенённые
не пройти в полусне.
Там глаза несмышлёные
проступают в окне.
Ну не надо, пожалуйста!
И прости старика...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

1989

Наши сказки

Оле

То в окошко дождик постучится,
то зима, то лето... В день любой
верю, что не раз ещё случится
вспомнить сказки детства нам с тобой.

Сказки никогда не умирают,
наяву приходят и во сне,
и волнуют души, и сияют
звёздами в высокой тишине.

Облачко нам дождик посылает,
солнышко лучами шлёт привет;
ничего напрасно не бывает
с той поры, как существует Свет.

И пускай всегда с тобой пребудет
детство, бережёное от зла,
пусть с тобою вместе будут люди
добрые и добрые дела.

Ну а сказки снова повторяются,
лишь взойдёт над полночью звезда...
Сказки быть забытыми боятся,
но не умирают никогда.

Преддверие

Зимы завоевательный поход
окончен будет ночью.
Природа замерла. Тепло
последнюю усталую когорту
собрало из истерзанных остатков
всё побеждавшей некогда Весны,
которая из яркого зенита,
из августовской неги расслабления
в беспомощное бегство обратилась,
и пала духом, – что сойдёт на нет.

Но эта обречённая когорта
так странно с положеньем не смирялась,
когда, казалось, всё уже свершилось
и всюду воцарились холода;
они собрались в силы ледяные
и окружили низменную местность,
где к этой ночи теплилось покуда
дыханье уходящих навсегда.

И без оптимистических наивов,
так свойственных эпохе созревания,
Природа погружалась в размышленье
в сиянии звёзд полуночных огней...
Прислушайтесь, всмотритесь в этот образ,
хотя в нём так же всё несовершенно,
как всё несовершенно в этой жизни
пред замыслом, витающим над ней...

Ах, это время холода и смуты,
и эта жизнь – в единственное время...
Так отлетели души убиенных.
Пора и их отлёт благословить.
Есть тайное всему предназначенье,
всё зачтено, и будет продолженье!
Иначе – нет надежды на спасенье
и душу ни во что не воплотить.

...Вот грустная история Природы
в преддверии истории рожденья...

А я – живу, бросаю в печь поленья,
в надежде эту зиму пережить.

У моря

За скалистою грядою
скрылись призраки в порту.
Море близкое, родное
оглашает темноту.
Слову, бывшему в начале,
вторят волны на мыске...
Раздели мои печали,
слышишь, море, я в тоске.

Ненадёжная подруга,
вахту бросивший матрос...
Волны вздыбились упруго,
принимая мой вопрос,
брызги звоном отвечали,
ветер – стоном на баске...
Раздели мои печали,
слышишь, море, я в тоске.

Одинокие, как боги,
звёзды смотрят с вышины.
А на дне мои тревоги,
может, вовсе не важны.
Ибо есть судьба – отчалить
и держаться на доске...
Утоли мои печали,
дай умериться тоске!

...Жизнь моя, не стань чужая
с не хранящими огня,
На дощечке ускользаю
я от предавших меня.
И пою свои стихи я
ветру, волнам и песку...
Море, вольная стихия,
раздели мою тоску!

2008

Грибной пирог

*«Человек... есть не что иное
как узкий опасный мостик между природой и духом»
Герман Гессе, «Степной волк»*

Какая благодать! Рассвет забрезжил робко.
Туман. Недвижен лес. Всё – тайна. Тишина.
Иду искать грибы. Ещё легка коробка,
бодр и пружинист шаг, душа чиста до дна.

Вот первый мой поклон у краешка тропинки.
Почудилось. Ну что ж – глазам во тьме не верь.
А уши наостри на шорох от ложбинки:
Эй, кто там, отзовись, ты птица или зверь?

Мне отдых быть в лесу. А зверю, ох, непросто:
попробуй, прокормись да шкуру сбереги...
Вот так же – мне в миру, налипшем, как короста...
(Прости меня, Господь! А миру – помоги).

...И что есть жизнь моя пред Вечностью и Богом?
Живи и сам решай, будь мерой и ценой.
В раздумье о душе, на поприще убогом,
в страданиях земных век протекает мой...

Ну, надо ж? – понесло. Собрался за грибами.
А над столом порой и строчки не создашь.
Вон солнышко взошло! Вот пень твой под дубами!
Пожалуйста – садись, берись за карандаш!

В прекрасное глядеть ещё не есть работа.
Так бабочка: вспорхнёт – и снова в закуток.
Когда достоин од всяк листик и цветок,
то, как сказал поэт, хватило б только пота!

Как всё переплелось! И не нарочно. Право,
я с тем забрёл, как в лес, в многоголосье строк.
Двенадцать дней прошло, как умер Окуджава.
Похоже – сирота... Не надо... Видит Бог –

я сам несу свой крест, не раб и не избранник,
я сам собой гоним и сам в себе изгнанник.
И кто мне скажет, что в потоке дней
я не достоин участи моей?

Пустынником всё мимо толп иду,
рассвет мечтая встретить в том саду,
что чудится в дали обетованной,
придуманной, но, важно, – в необманной.

Поэт не может к дали не идти.
Не вопрошай: Зачем? Не говори: Всё тщетно.
Прочь чуждое – Уймись, повороти!
Свернувшие отстали незаметно.
И он один. И нет назад пути...

Иных тщетою здешней не пораню.
Сияет мир под солнечною ранью,
как будто вознесён на небеса!
И можно вечно следовать призыванью!
А коль положен нимб по состоянию,
то мой – вот: паутинка и роса.

.....

Постскриптум.
Мне везёт! Не зря брожу кругами!
Растут, растут грибы! Трофеям счёту нет!
Слегка отяжелев, почуяв твердь ногами,
я рад и даже горд, что заслужил обед.

Красавец боровик из-под куста лукаво
глядит. На нём мураш – служака часовой.
Спасибо, брат, тебе! Как там твоя держава?
Инстинкт, поди, силён? Я сам был рядовой...

Прошли те времена, когда людское море
на праздных площадях пьянило, как вино.
Я нынче ветру друг, гуляю на просторе,
и в собственном доме как эмигрант давно.

Чем ближе синий свет мечты и непокоры,
чем зримей волчья степь сквозь будней коридоры,
тем чаще снится дом над тихою рекой.
О, бездна женских слёз! О, горькие укоры!
А ведь итог один – гибель и покой.

Вот – гриб. И он упрям. Да червь упряма точит.
Как в теле ни держись – всё ж обратится в прах.
Пока ещё ты цел, тебя хоть кто-то хочет,
а старый и гнилой не нужен и за страх.

Но, если дан огонь, а с ним – душа живая,
то, стало быть, есть шанс над тленьем воспарить!
Природа ж жестока, сколь суть её иная –
пройти несчётный круг и вновь всё повторить...

Маслята всей семьёй спешат в мою коробку.
Нет, это от чудес – явление грибов!
Как страшен мне возврат в людскую нервотрёпку,
где оскоплённый ум расчётлив и суров,

где мне – за птичий корм – нырянье в быстротечность,
в тот мутный омут, в страх, во тьму небытия...
А я бы всё глядел в мерцающую вечность
поэзии, любви!.. Так кто же, кто же я? –

Мечтатель? Блудный сын? Агнец Божий? Иль безбожник?
Но душу не разнять на струи, что слились.
Мыслителем не став, всей сущностью – художник,
равно творю я мир и чувственную высь.

Как несопоставим ни с чем моих сомнений
мучительный разброс и мой недолгий век!
С природою слиясь, я слышу: Ты мой гений!
А к звёздам устремясь – Ты жалкий человек.

Как быть? Кто знает? Но, сверх истины и меры,
путь праведным сочту – страданий и любви.
И под ноги, идя, смотрите, гулливеры!
Прошу меня простить – мы ходим по крови.

.....

Так быстро день прошёл, стгорел в пылу, как спичка.
Меж терний уж скользнул, и взвилась мошकारа.
Последний мой поклон – Привет, привет, лисичка!
Замешкалась, сестра; а мне уже пора.

.....

А вот и эпилог.
Что завтра – я не знаю...
А нынче, жизнь моя, мы подведём итог.
Над бездною скользит, румянясь и вздыхая,
творящая душа и плоть её земная –
на жертвеннике дня

в печи

грибной пирог.

1997

Снова о грибах

*«Мир спасёт красота»
Князь Мышкин*

*Красота – в любви
Автор*

Я снова о грибах. В лесу всё сплошь поганки.
Порой нельзя ступить, не глянул – и хана.
Условно добрых – чуть, и то, увы, останки.
А благородных... Что ж... Тем более – война...

Уже в который раз взглянуть хочу за створцы
осенних букварей с подглавками: «Грибы».
Составить, обобщить, разведать суть пропорций.
И выйти к резюме сквозь «если б да кабы...»

Беру текущий год, и в общем – состоянье
явления Грибов в эгрегорных лесах.
Что вижу я, друзья? От них – одно название
меж толп, где мухомор с поганкой на часах.

Был выбран день и час, учтён сезон и климат,
туманы и дожди, и ведро сочтены.
И на поверку стал эволюционный климакс
всепланетарных норм. С угрозами войны.

...Я много исходил залешинки и кочки,
покуда различил заветный аромат.
Да! – это под землёй запрятался грибочек,
и верует, и ждёт явления мой брат.

Так, значит, год пройдёт, ну два... и уж поверьте,
встряхнётся красота, от погани устав.
И мы войдём в леса, откуда выйдут черти,
и примем, и узрим незыблемый устав.

И то, что под землёй, как вера и как совесть,
монашество пещер, любви дух святой,
как Киев – из земли – взрастёт грибная поросль
с пропорциями норм, спасённых красотой.

2022

* * *

Спасибо, Жизнь, тебе за всё,
Земля моя, Звезда моя, –
за то, что существую я,
за то, что сердцу горячо,
за безрассудства, за скитанья,
любви светлой ожиданья,
за все несбыточные грёзы –
без маски «Смех» и маски «Слёзы»!

СОЛДАТСКИЙ БЛОКНОТ

ПРОЩАНИЕ С ЖИТОМИРОМ.....	2
1. Бульвар. У памятника Пушкина.....	2
2. Вечер.....	3
3. Утро.....	3
4. Итог.....	4
Утром.....	5
Ночью.....	5
«Пошлости! Пошлости!».....	6
«Сотни дней тревожных и ночей...».....	6
«Зима... Весна... Ну вот уже и лето».....	7
Письмо в Ленинград.....	7
Сентябрь 1986.....	8
Ноченька (колыбельная).....	9
«Ты увидишь землю, ты увидишь небо».....	10
Напутствие.....	10
«Неужели есть на свете...».....	11
Святое песнопение.....	12
«Хорошо, что друзья порою...».....	14
Песня о берегах.....	15
Высоцкий	16
Окуджаве.....	17
«По ночам мне снятся сокровения».....	17
После дальней дороги.....	18
«Поезда, уходящие вдаль от ночного вокзала...».....	20
«Что-то нет покоя мне, что-то нет покоя».....	20
Дневник. 7 августа.....	21
«Всё маета, мой друг».....	22
Время идёт.....	23
В далёком декабре.....	24
Песенка-авиазарисовка «Воспоминание об Абакане», рейс Москва – Благовещенск, август 1985 года.....	26
СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ.....	27
1. Весенняя песня.....	27
2. Пели песню солдаты.....	29
3. Баллада о солнце.....	32
4. Ветер перемен. Год 1986.....	33

«Далеко за туманами сивыми...».....	35
«Я прогнал с лица тень дневных забот».....	36
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ.....	38
Страна.....	38
«Вы знаете, как пишутся стихи?».....	39
Из воспоминаний о юности.....	41
Песня о моей любви.....	42
Моё крыло.....	42
Доченька.....	44
Наши сказки.....	45
Преддверие.....	46
У моря.....	47
Грибной пирог.....	49
Снова о грибах.....	53
«Спасибо, Жизнь, тебе за всё».....	54

Олег РУБАНСКИЙ
Солдатский блокнот
Стихи

rubanski.at.ua

Художник Родион Тихомиров
Вёрстка и оформление Романа Чудновского

Киев 2023